

## ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия КАЖДОМУ – ПО ЗАСЛУГАМ ЕГО .....	5
Глава 1. НОСТАЛЬГИЯ ПО БУДУЩЕМУ. И НЕ ТОЛЬКО .....	7
Глава 2. КАК ПОЙМАТЬ МАНЬЯКА? .....	24
Глава 3. УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ ПОТОМКИ.....	37
Глава 4. ТЫ КУДА, В БАНЮ? .....	50
Глава 5. ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ .....	65
Глава 6. И СНОВА БАРЫКИН .....	78
Глава 7. «ЗАПОРОЖЕЦ» – ТОЖЕ МАШИНА.....	91
Глава 8. В ПОИСКАХ ПАЛЬТО .....	104
Глава 9. ДЕРЕВНЯ МОЯ, ДЕРЕВЯННАЯ, ДАЛЬНЯЯ.....	118
Глава 10. ПЛОХИЕ НОВОСТИ .....	131
Глава 11. ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ .....	144
Глава 12. НА ОГНЕВОМ РУБЕЖЕ .....	161
Глава 13. ШАМАН ЖИВЕТ В ГЛУХОМ КРАЮ.....	175
Глава 14. ВАХТЁР ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ ....	189
Глава 15. СКАЖУ ЕЙ ВСЁ О ЛЮБВИ.....	202
Глава 16. А ВОТ И МЫШКА-НОРУШКА .....	215
Глава 17. ЦУГЦВАНГ? .....	231
Глава 18. СПАСЕНИЕ УТОПАЮЩИХ.....	244

Глава 19. КАК ПОЙМАТЬ МАНЬЯКА – 2.....	258
Глава 20. НЕ ДЕЖУРСТВОМ ЕДИНЫМ.....	271
Глава 21. ДЖЕКСОН И СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ.....	284
Глава 22. ПРИЧУДЫ ПЛОХОЙ ПОГОДЫ.....	297
Глава 23. БОЛЬНИЧНОЕ ДЕЖАВЮ.....	310
Глава 24. А ПОТОМ НАЧАЛИСЬ ЧУДЕСА .....	324
Эпилог.....	339

## **Вместо предисловия**

### **КАЖДОМУ — ПО ЗАСЛУГАМ ЕГО**

И тогда я не сдержался. Нельзя сказать, что это была пощёчина, вполне оправданная в данном случае. Это была оплеуха. Хорошая деревенская оплеуха с заявкой как минимум на фингал под глазом. Пока голова следователя дребезжала между моей ладонью и косяком, я уже пожалел о содеянном. Погорячился, пожалуй. Это ещё как посмотреть? Можно и так, что ничего такого, заслуживающего наказания действием, Утягин и не совершил. И тогда я не защитник оскорблённой чести (фу, какой пафос!), пусть и не своей, а просто грубиян и забияка. Да ещё можно и в ответку получить.

Я приготовился ждать, но на ответку у Утягина не хватило пороку. Вместо этого он прикрыл ладонями свои бедные уши и тоненько запричитал:

— Ну всё, Воронцов, тебе кранты! Вылетишь теперь отсюда, как пробка из затычки!

Пробка из затычки — это что-то новенькое! Видимо, от знакомства с косяком у моего оппонента наступило временное обрушение



когнитивных связей. А Утягин продолжал в том же духе:

— Это тебе даром не пройдёт! Все видели, как ты меня! Вот ты, ты видел?

Я проследил за взглядом следователя и увидел в конце пустынного коридора Женьку Митрофанова, сыщика и моего лучшего друга. Да, неудачный свидетель для Утягина подвернулся. Женька стоял с обалдевшим видом, но, услышав обращение в свой адрес, подошёл вплотную к мученику и внятно произнёс:

— Заруби себе на носу: меня здесь нет. Это тебе кажется от помутнения рассудка. И Воронцова нет. Верно ведь, Воронцов?

От неожиданности я согласно кивнул. И пока следак с обалдевшим видом переваривал услышанное, Джексон мягко, но настойчиво увлёк меня прочь, от греха подальше, так сказать. За поворотом коридора он освободил меня от своего дружеского, но плотного захвата и протянул свою пятерню:

— Не спрашиваю за что, но уважаю. Молоток! Эта харя давно кирпича просила, да смельчаков не находилось. Так что держись. Я с тобой! Потом расскажешь.

И Джексон умчался по своим делам. А я отправился по своим, теребя в голове известное изречение о том, что лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть.

Однако историю эту надо начинать с более ранних событий.

## Глава 1

### НОСТАЛЬГИЯ ПО БУДУЩЕМУ. И НЕ ТОЛЬКО

— Красавчик яхонтовый, счастливчик бриллиантовый, не торопись, не уходи от счастья своего!

Ко мне с фланга по улице Горького приближались четыре цыганки: две постарше, две совсем молоденькие. У тех, что постарше, широкими цветастыми шалями были примотаны к огромным бесформенным грудям младенцы. Те, что помоложе, оказались стройны в талиях и очень даже красивы. Но вот влюбляться в них я бы не торопился — достаточно посмотреть на их товарок, чтобы понять, какими они станут в скором времени.

Цыганки, непрерывно и все разом галдя, привычным манером окружили меня, чтобы отрезать пути к отступлению. Всё ясно — молодых девчонок вывели на стажировку. Ужасно не люблю, когда за спиной кто-то стоит — базовое правило безопасности, отработанное годами и ножевым ранением, полученным два года назад. Поэтому пришлось сманеврировать, чтобы

шумные собеседницы всем скопом оказались перед моим фасадом.

Одна молодуха начала свою песню:

— Молодой, интересный, давай я тебе погадаю! Всю правду скажу. Научу, как от зла избавиться. Что впереди ждёт, покажу. Давай руку свою...

Мне стало интересно, что может рассказать цыганка человеку, знающему своё будущее. Я протянул руку.

— О-о-о! Алмазный мой, сколько тут у тебя всего! Только чёрный туман мешает. Позолоти ручку, всё сразу скажу!

— Золота нет, есть железо, — я вытащил из-за пояса наручники и покачал их на пальце. — Браслеты для молодой девушки получатся замечательные! Да я и сам могу предсказать вам ваше ближайшее будущее: ждёт вас, красавицы, жёлтая телега на резиновом ходу и казённый дом!

Только цыганки оказались не из пугливых. Понимали, что для милиции возни с ними будет больше, чем пользы. Точнее, пользы — никакой. Поэтому они только загалдели громче. А я с ними связываться и не собирался, своих дел полно. Да я пока ещё и своей цели не добился — узнать цыганскую версию моего будущего. А вдруг?

После того, как мы уравнивали шансы — они мне гадают бесплатно, я их не тащу в кутузку, — я снова протянул цыганке свою руку.

— Ну, смуглявая ты моя, давай, тарихти мне про моё будущее!

Но удивительное дело — цыганка вдруг ступевалась. Увидела что-нибудь необычное в моих линиях жизни или не умеет гадать «за так»? Ей на выручку тут же пришла старшая товарка. Она перестала лузгать семечки и перехватила управление процессом.

— Давай, черноголовый, свою руку мне. Не бойся, больно не будет.

Она достаточно долго и пристально всматривалась в мою ладонь, поворачивая её и так, и этак.

— Вижу, вижу всё про тебя. Ты парень сильный: и с рублём хозяин, и без рубля хозяин. Но томит тебя забота тайная, про которую тебе и сказать некому. Позолоти ручку, сахарный мой, сразу увижу, чем спастись можешь!

Я звякнул наручниками. Цыганка весело стрельнула на меня глазами, дескать, ладно уж, погорячилась.

— А ещё вижу, — продолжила она, погасив озорство во взгляде. — Вижу перемены, которых ты не ждёшь. Вот ты думаешь, что всё наперёд знаешь, а получишь два удара от людей, тебе известных.

Цыганка замолчала. Потом неожиданно выдала:

— Ну не могу я так! Дай хоть копейку, служивый, а то эту, как её, квалификацию потеряю.

Я достал из кармана какую-то мелочь и протянул цыганке. «Ну и нагадала, — подумал. — Обычный цыганский трёп, на все случаи жизни:



заботы тайные, перемены, удары. Вот только «без рубля хозяйин» — это про что она?»

Цыганка тем временем спрятала деньги где-то в своих необъятных юбках, поправила положение ребёнка на груди и произнесла:

— Вот думала, черноголовый, с самого начала, говорить тебе или нет. Скажу всё-таки — будет на твоём пути вскорости казённый дом. Уж как там чего, не знаю, но будет. Видела. И не спрашивай ничего больше. Не скажу.

А я и не собирался ничего спрашивать. Смотрел вслед уходящим цыганкам и думал, что в одном гадалка права — перемены будут. Они всегда бывают, хочешь ли ты их или нет, знаешь о них или не знаешь.

Сентябрь семьдесят седьмого года подарил нам изумительное бабье лето и нового начальника райотдела. Вот вам и перемена. Прежний шеф, отец наш родной Николай Павлович, как-то быстро и незаметно отправился делать горизонтальную карьеру — возглавил следственный отдел в городском управлении.

Мои воспоминания о будущем ничего особо плохого про нового начальника не содержали, хотя знал я о нём даже больше, чем он сам. Например, когда и как он умрёт. Вот, если в новой реальности он будет меня обижать, подумал я, возьму, да и расскажу ему про его кончину. Он, конечно, не поверит, закоренелый материалист и марксист-ленинист, и даже посмеётся мне в глаза, но порой ночами будет просыпаться в холодном поту и терзаться мыслями о моих про-

рочествах, от которых его подсознание никак не захочет освободиться.

Алексей Максимович Большаков прибыл к нам из глухой провинции за подполковником. И не только. Череповец — это вам цивилизация, а не какая-нибудь тусклая окраина Вологодской области. Тем более квартиру сразу дают, да ещё в приличном месте. Первым делом он сразил подчинённых тремя академическими ромбиками на майорском мундире: рядом с синим поплавком какого-то гражданского вуза красовался бордовый знак с огромным гербом СССР от Высшей школы милиции, а замыкал это великолепие ромбик побольше, опять же с гербом на верхнем его острие и двумя бородатыми профилями в центре. Для верности, чтобы уж никто не сомневался, чьи же это профили, ниже располагались буквы: УМЛ — университет марксизма-ленинизма.

Среди сотрудников сразу же пошёл гулять старый анекдот: «Что ж ты, милок, совсем тупой, если тебя в одном институте сразу научить не смогли?» Возможность второго высшего образования в те времена никто даже в голове не держал, а тут — целых три! Правда, если уж совсем честно, тот самый УМЛ официального высшего образования и не давал, но нагрудный знак, очень похожий на настоящий академический ромбик, его выпускникам вручался с большой помпой.

Но анекдоты анекдотами, а Алексей Максимович быстро доказал, что эти инсинуации



не про него. Мужик оказался толковый и весьма эрудированный. Потихоньку мы разузнали, что до милиции он работал в газете там же, в районе, и даже был главным редактором, а потом по партийной путёвке оказался брошен на укрепление милицейских рядов, где быстро и решительно преуспел. К Череповцу он тоже достаточно успешно адаптировался. Не мог только изжить одну мелочь — называть себя начальником милиции. Дело в том, что на прежнем месте службы такое самоназвание было вполне оправдано — начальник райотдела и был главным милиционером района, а вот в Череповце с его разветвлённой структурой подразделений он оказался всего лишь одним из многих руководителей, хотя и весьма важным. Сотрудники посмеивались потихоньку между собой: «Наш-то пострел уже на главу УВД метит, не иначе!»

И вот в этом месте какой-то чёртик сподобил меня взяться помогать неопытному шефу уберечься от конфуза. Надо было тут же вспомнить мудрую мысль про то, куда ведут благие намерения. Не вспомнил, альтруист несчастный! И наши отношения перешли в состояние недружественных.

А началось всё так. После оперативки, на которой Алексей Максимович в очередной раз провозгласил себя начальником милиции, вызвав тем самым переглядки и хитренькие усмешки сотрудников, я попросил разрешения остаться.

— Извините, Алексей Максимыч, тут дело такое... Я вижу, что сотрудники посмеиваются... Да и начальнику управления может не понравиться, что вы себя начальником милиции называете...

Зачем я полез в эту кашу? Сложно объяснить. Наверное, потому, что испытывал некое двойное чувство: с одной стороны, передо мной, юным лейтенантом, находился руководитель, к которому не подобает лезть с пикантными советами. С другой — я прожил и повидал в первой своей жизни столько, что не грех и уберечь ещё не в полной мере освоившегося с новой обстановкой человека от неоправданных шагов. А этот Алексей Максимович возрастом моего старшего сына. Такая вот загогулина получается. Так почему бы и не помочь?

Но на практике всё пошло по-другому, и благодарности за помощь я не снискал. Начальник посмотрел на меня сурово и испытующе:

— Любите дёргать тигра за усы, молодой человек? Ну-ну. Как же, поглумиться над новым начальником, который априори хуже старого — святое дело! Так ведь? А над чем глумиться, умишка не хватило найти. Вот и вытащили какую-то фигню (здесь Большаков употребил совсем другое слово).

Он откинулся на спинку кресла и строго спросил:

— Сам придумал или друзья подучили? Стидно, товарищ лейтенант, как вас там, Воронцов что ли?

Глупо всё вышло. Большаков дальше слушать меня не стал и выпроводил за дверь. «Так тебе и надо, — сказал я себе. — Альтруист благоглупый!» Я ещё в тот момент не знал, что история эта получит совершенно неожиданное развитие, и Большаков окончательно запишет меня в деструктивные элементы.

Через пару дней меня вызвонил дежурный:

— Воронцов, хорошо, что ты на месте! Бегом к начальнику! Чего ты там такого натворил? Шеф из управления прибыл и даже обстановкой интересоваться не стал. Походя бросил, что тебя к нему, а сам зелёный весь!

Когда я вошёл в кабинет, Большаков был совсем не зелёный, а очень даже обычный. Вот только тон его, демонстративно вежливый, не предвещал ничего хорошего.

— Ябедничать изволим? — начал он безо всяких преамбул. — Субординацию нарушаем? Смуту в коллектив вносим?

Вот это разворот! Всё перечисленное, как я понимал себя в этом мире, могло относиться ко мне в последнюю очередь. И мой недоумённый вид должен был продемонстрировать шефу, что он в данный момент совершает чудовищную ошибку, за которую потом будет стыдно, но не тут-то было! Что-то там произошло, крайне неприятное для него и непонятное пока для меня, и было похоже, что всю дорогу от управления Большаков рисовал в уме картинки моего растоптания и уничтожения в надежде получить от этого процесса хоть какое-то облегчение на душе.

Иначе с чего бы такой неожиданный заход на этот разговор?

А шеф тем временем продолжил свои невнятные обличения:

— И не стройте из себя невинного агнца! Обсуждать, понимаете ли, своего начальника за его спиной, да ещё с товарищами из управления, — это последнее дело, Воронцов! Кому ещё успели свои гнусные мысли нашептать?

Я молчал. Оправдывающийся — виноват. Эту простую истину я усвоил уже очень давно. Надеялся только, что по-прежнему удавалось сохранить недоумение на своей физиономии. Однако Большакову и не требовалось никаких моих слов. Дальше он уличил меня в признании собственной вины, поскольку я молчал, значит, сказать в своё оправдание мне было нечего. Вот так. Хоть молчи, хоть не молчи, всё одно, если начальник решил тебя назначить на роль виноватого.

Я прикинул, а сам-то я в другие времена поступал вот так же со своими подчинёнными? Назначал виноватым без особых разбирательств? Подходящего ответа сразу не нашлось, да и место, и время были неподходящими для таких раздумий, а тут и Алексей Максимович, похоже, подходил к завершению выволочки:

— Мне всё понятно. Очень жаль, Воронцов, что наши отношения перешли в такую фазу. А мне вас характеризовали как дельного сотрудника. Что ж, тем хуже. Теперь уж я буду внимательно следить за вашей работой. Идите пока!

Самым многообещающим было это «пока». Я вознамерился было всё-таки выяснить, о чём вообще речь идёт, но Большаков жестом пресёк мои поползновения. Что ж, когда начальство требует выйти, приходится подчиниться, а не задавать глупые вопросы типа «почему». Начальник, он и в Африке начальник (кстати, почему именно «в Африке», а не в Австралии, например, кто знает?)

Тайна поведения Алексея Максимовича открылась для меня на следующий день. Оказалось, что вчера на совещании в УВД наш шеф при докладе опять допустил свой промах: «Я, как начальник милиции...», на что получил сдержанно-саркастическое замечание от секретаря парткома, что он пока ещё совсем не тот, кем себя величает, и неизвестно, будет ли. И что сейчас ему надо держать ответ исключительно со своих позиций. И будто бы при этом начальник управления благосклонно кивал головой в ответ на слова партийного вожака.

Удивительное дело, никто из прояснявших для меня возникшее недоразумение на том совещании не был, но рассказывали всё в красках и подробностях. И что в протокол совещания этот пассаж было велено не записывать, но инструктор Зотов всё равно записал. Короче говоря, шеф «потерял лицо» на виду многих присутствующих коллег, а утрата хладнокровия привела его к умозаключению о том, что это я его «застучал» в парткоме.

\*\*\*

Сегодня мне на работу с шестнадцати часов — на поддежурство — и до часу ночи. Ну, до часу, это так, условный предел. На самом деле работать придётся столько, сколько потребует обстановка. А она, зараза, самое интересное припасает как раз к полуночи. Из вредности, не иначе.

Поэтому я перед дежурством запасливо решил отоспаться впрок — а вдруг получится? Тому была и ещё одна причина — с утра меня одолевала какая-то подозрительная хандра, чего со мной обычно не случается. А лучшее средство от всяких там хандрей (или хандров, не филолог, не знаю), как известно — это глубокий и здоровый сон. Однако на этот раз сон меня презрительно игнорировал. Я упорно не сдавался, жмурил глаза и натягивал на голову одеяло в надежде укрыться от внешнего мира. В конце концов мир оказался сильнее, и пришлось вставать. Я бесцельно бродил по своим апартаментам в трусах и даже пробовал заняться йогой, безуспешно пытаюсь справиться с хандрой, но эта тварь сегодня оказалась сильнее меня. Если совсем по-честному, то я прекрасно понимал причину такой напасти, но упрямо продолжал заталкивать её в глубину своей памяти, делать вид, что ничего выбивающего меня из колеи не существует, и вообще всё замечательно, но...

Сегодня был день рождения Данилы, моего младшего сына. Сколько же ему? Хороший